

---

ВЛАДИМИР ДЕНИСОВ

## ТАЙНЫ 22 ИЮНЯ

В 30-е годы подготовка к войне шла по всем направлениям — экономическому, военному, внешнеполитическому. Сталин полагал, что страна полностью будет готова сражаться с гитлеровской Германией лишь к началу 1943 года, и потому всеми возможными средствами оттягивал неизбежное столкновение. Но и достигнутый к лету 1941-го уровень готовности позволял рассчитывать не на такое развитие событий, какое случилось в первые недели войны. В чём причина? В докладе XX съезду КПСС основные обвинения сводились к тому, что Сталиным-де проявлена “беспечность” — “игнорировалось всё: и предупреждения отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага”<sup>1</sup>. Сегодня одним из главных обвинений стало ещё и игнорирование сообщений разведчиков, в особенности Рихарда Зорге, который, мол, точно указал, что война начнётся 22 июня. Даже в мемуарах Г. К. Жукова подчёркивается: 14 июня 1941 года он, начальник Генерального штаба, и нарком обороны С. К. Тимошенко доложили Сталину “о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность”. А вождь якобы ответил: “Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?” Из пояснений маршала вытекает, что Сталин боялся всяких мер, связанных с боевой готовностью наших войск. На этой же встрече после сообщения Жукова о количестве дивизий в приграничных округах и о том, “что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени”, Сталин будто бы возразил: “Не во всём можно верить разведке”...

В таком же тоне описаны и события 21 июня: начальник Генерального штаба якобы продолжает получать тревожные доклады с границы, вот уж и перебежчик сообщает о начале выдвижения немецких войск на исходные позиции, после чего маршал приезжает в Кремль, но Сталин опять сомневается: “А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?”<sup>2</sup> То есть в мемуарах вождь обрисован так же, как в докладе Хрущёва: боящимся спровоцировать войну и потому не желающим замечать очевидного.

На самом деле всё было иначе — и в последние дни перед началом войны, и задолго до 22 июня. Да, разведка сообщала о возможных датах. Вот

---

*ДЕНИСОВ Владимир Николаевич родился в 1940 году в Луганске. Окончил Уральский государственный университет. Работал собственным корреспондентом, редактором отдела, ответственным секретарём газеты “Советская Россия”, издавал журнал “Источник (документы русской истории)”. Публикуемый в этом номере журнала материал взят из ещё не напечатанной книги “Дело Сталина: от прошлого к будущему”.*

анализ А. Б. Мартиросяна: “Только по данным военной разведки (ГРУ), их насчитывалось свыше десяти:

– 27 декабря 1940 г. – из Берлина: война начнётся во второй половине следующего года;

– 31 декабря 1940 г. – из Бухареста: война начнётся весной следующего года;

– 22 февраля 1941 г. – из Белграда: немцы выступят в мае-июне 1941 г.;

– 15 марта 1941 г. – из Бухареста: войну следует ожидать через 3 месяца;

– 19 марта 1941 г. – из Берлина: нападение планируется между 15 марта и 15 июня;

– 4 мая 1941 г. – из Бухареста: начало войны намечено на середину июня;

– 22 мая 1941 г. – из Берлина: нападение на СССР ожидается 15 июня;

– 1 июня 1941 г. – из Токио: начало войны – вторая половина июня;

– 7 июня 1941 г. – из Бухареста: война начнётся 15–20 июня;

– 16 июня 1941 г. – из Берлина и из Франции: нападение Германии на СССР – 22–25 июня;

21 июня 1941 г. – из посольства Германии в Москве: нападение назначено на 3–4 часа утра 22 июня.

А ведь ещё поступала информация разведки НКГБ, НКВД и т. д.”<sup>3</sup>.

Точную дату нападения было трудно установить ещё и потому, что Гитлер менял её несколько раз. В фашистском руководстве были серьёзные разногласия в отношении того, воевать ли с СССР, и окончательное решение о нападении принято 10 июня 1941 года. Конечно, это не оправдывает упущений военного руководства. Главный маршал авиации А. Е. Голованов приводит в своих воспоминаниях весьма показательный эпизод. В 60-е годы в Москве проходила международная встреча ветеранов войны. В перерыве председатель Советского комитета ветеранов войны С. К. Тимошенко пригласил на обед маршалов Г. К. Жукова, И. С. Конева, А. Е. Голованова, генерала И. В. Тюленева и адмирала Н. Г. Кузнецова. Как раз во многих изданиях публиковались статьи о разведчике Рихарде Зорге, и Тимошенко спросил Жукова, почему он, начальник Генштаба, не докладывал ему, нарком обороны, о получаемых сведениях? Жуков ответил, что сам хотел спросить Тимошенко: почему нарком обороны, получив от начальника Главного разведывательного управления, подчинённого начальнику Генштаба, такие сведения, не поставил об этом его, Жукова, в известность. Такой странный обмен информацией вызвал у присутствующих удивление. Решив, что Зорге проходил по военно-морскому ведомству, они спросили о нём адмирала Кузнецова, который сказал: нет, на службе в ВМФ Зорге не состоял.

Как могло получиться, – разговор военачальников, напомню, состоялся через 20 лет после войны! – что ни начальник Генштаба, ни нарком обороны не знали о существовании таких документов в подчинённом им ГРУ? Ведь не Сталин должен был читать агентурные донесения и прикидывать: верить им или не верить... Голованов подчёркивает, что Зорге был не единственным источником такого рода сведений, однако, располагая данными о подготовке к войне и сроках её начала, Генштаб не смог проанализировать их и доложить руководству страны объективные данные, подтверждающиеся ещё и анализом действий гитлеровского военного командования. Вместо этого докладывались материалы, получаемые из-за границы, с комментариями, которые сводили на нет правдивость сведений. Генштаб и нарком обороны, подчёркивает Александр Евгеньевич, не представили в правительство ни одного документа, где были бы изложены сведения о готовящейся войне, подтверждённые данными о концентрации немецких войск вблизи наших границ, где делались бы выводы о готовившемся нападении и вносились соответствующие предложения. Наоборот, в разведывательных бюллетенях Генштаба для воинских частей говорилось, что, сосредоточивая свои войска недалеко от наших границ, немцы объясняют это их отводом на отдых. “Надо прямо сказать, – подытоживает Голованов, – что Генеральный штаб не сыграл своей роли... Он мог, более того, был обязан путём объективных письменных докладов правительству сосредоточить внимание последнего на всей серьёзности положения”<sup>4</sup>.

Конечно, как руководитель страны Сталин несёт ответственность и за этот просчёт, как и за любые крупные промахи государственных лиц, о чём он сам сказал Рузвельту и Черчиллю на Тегеранской конференции. Ведь назначать руководителей наркомата обороны, Генштаба и других государственных орга-

нов – прерогатива главы государства. Но его ответственность ни в коей мере не снимает вины с самих руководителей военных ведомств. Действия Сталина являлись результатом той информации, которой он пользовался и на основании которой делались выводы и принимались решения. Высокие армейские чины, докладывая Сталину о сосредоточении гитлеровских войск, настаивали на том, что сообщения разведчиков, скорее всего, являются провокационными. Такой вывод делал начальник ГРУ Ф. И. Голиков. А по службе он подчинялся начальнику Генштаба. Как последний руководил первым, наглядно иллюстрирует запоздалый разговор о Зорге.

Тем не менее главное Сталину было известно: война действительно скоро начнётся, и страну пора переводить на высший уровень готовности. Ещё 18 ноября 1940 года на заседании Политбюро он поставил задачу: “Теперь, когда наши границы отодвинуты на запад, нужен могучий заслон вдоль них с приведёнными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но не в ближайшем тылу”<sup>5</sup>. А 13 мая 1941 года с санкции Сталина была направлена директива Генштаба о выдвигании войск внутренних округов в приграничные.

Эта дата напрямую связана с тем, что двумя днями раньше, 11 мая, заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс совершил перелёт в Британию. Фашистская пропаганда обставила это как “предательский побег”, и фюрер прокричал своему ближайшему соратнику публичные проклятия. Сталин, однако, сразу же понял, что англо-германский сговор против СССР становится вполне реальным, тем более что именно с этого дня немецкая авиация вдруг прекратила массированные налёты на британские города. Выступая 24 мая на расширенном заседании Политбюро, Иосиф Виссарионович сказал: “Очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению... тем более что нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии”<sup>6</sup>. Тогда же поступили данные разведки, в частности, как пишет генерал госбезопасности П. А. Судоплатов, от знаменитой впоследствии “кембриджской пятёрки” “об усилившихся контактах британских представителей с германскими в поисках мирного разрешения европейского военного конфликта”<sup>7</sup>, иначе говоря, о прекращении боевых действий Англии и Франции против Германии. Оценивая эти сведения, невозможно было не понять, что дело шло к началу войны с СССР.

Выдвигая войска из внутренних округов ближе к границе, руководство страны определило три возможных рубежа обороны: фронтовой, стратегический и государственный. “В детальных директивах, направленных в приграничные военные округа 14–15 мая 1941 года и ставивших задачу разработки на их основе оперативных планов обороны, предусматривалась вероятность отступления наших войск в глубь территории страны. В параграфе 7 указывалось: “На случай вынужденного отхода разработать согласно особым указаниям план эвакуации фабрик, заводов, банков и других хозяйственных предприятий, правительственных учреждений, складов военного и государственного имущества”. Главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны, профессор О. А. Ржешевский отмечает, что решение о трёх оборонительных рубежах вместе с планами их обустройства опубликовано в “Военно-историческом журнале” ещё в 1996 году, но, по сути, лишь десять лет спустя эти материалы только-только начали входить в научный оборот. Может, потому, что стопроцентно опровергают концепцию “агрессивных намерений Сталина”? Хорош профессор, готовящий три рубежа обороны!

Дальновидность советского руководства способен оценить любой, кто хотя бы вскользь знаком с историей Великой Отечественной войны. Фронтовой рубеж был определён по западной границе СССР, стратегический – по Западной Двине и Днепру: Нарва, Сольцы, Великие Луки, Валдай, Гомель, Конопотоп. Последний, государственный рубеж обороны намечался на дальних подступах к Москве: Осташков, Сычёвка, Ельня, Почеп, Рославль, Трубчевск. На основе директив Генштаба, разосланных в приграничные военные округа, они представили на утверждение свои оперативные планы обороны<sup>8</sup>. А вот как объяснял это В. М. Молотов в беседе с писателем Феликсом Чуевым почти через 30 лет после Победы: “Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступить. Весь вопрос был в том, куда нам

придется отступить – до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы об-суждали”<sup>9</sup>.

Стратегия трёх оборонительных рубежей опиралась, в частности, на пре-красное знание отечественной истории. Ведь именно такую концепцию – от-ступление перед численно превосходящим противником вплоть до выравни-вания сил осуществляли в войне с Наполеоном русские военачальники М. Б. Барклай де Толли и сменивший его на посту командующего М. И. Куту-зов. Эта идея была, в частности, изложена в записке “Патриотические мыс-ли”, написанной за три месяца до начала Отечественной войны 1812 года со-трудником русской разведки Петром Андреевичем Чуйкевичем. Вот главные соображения:

“Предстоящая война между Россией и Францией должна быть весьма важна в своих последствиях. Россия... теперь должна вести войну за целостность своих владений и собственную свою независимость. Наполеон готовит России пределы, бывшие до Петра Великого; но и России предстоит слава: уничто-жить его властолюбие, восстановить свободу европейских народов и внести в летописи свою другую Полтавскую битву... .

Россия в готовящейся борьбе сей должна возлагать всю свою надежду на собственные свои силы и прибегнуть к средствам необыкновенным... . Можно утвердительно сказать, что никогда Наполеон не предпринимал столь чрезвы-чайных мер к вооружению и не собирал столь многочисленных сил, как для предстоящей войны с Россией. Наполеона прославляют быстротой в военных его действиях. Сим достоинством отличается он не потому, чтоб оно было ему сродно подобно великому Суворову, но по нетерпеливости, беспокойст-ву и опасению, чтоб не тянулась война, которой медленности он страшится, ибо она одна может открыть глаза французам, что они проливают свою кровь в удовлетворение ненасытного его честолюбия, а не для собственной своей защиты... .

Оборонительная война есть мера необходимости для России. Главнейшее правило в войне такого рода состоит: предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает (подчёркнуто автором записки. – **В. Д.**). Наполеон, имея все способы к начатию и продолжению наступатель-ной войны, ищет генеральных сражений; нам должно избегать генеральных сражений до базиса наших продовольствий... . Надобно вести против Наполе-она такую войну, к которой он ещё не привык... . Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операци-онной неприятельской линии... . Быть может, что Россия в первую кампанию оставит Наполеону большое пространство земли, но, дав одно генеральное сражение со свежими и превосходными силами против его утомлённых и уменьшающихся по мере вступления внутрь наших владений, можно будет с избытком вознаградить всю потерю”<sup>10</sup>.

Заменив в этой записке Наполеона на Гитлера, получим поразительную схожесть целей и методов завоевателя, а также известную идентичность с тем общим планом войны, который пришлось осуществить Советскому Союзу. Интересно, что как раз в 30-е годы видный немецкий теоретик и практик во-енного дела Вильгельм фон Лееб, основываясь на русском опыте, выпустил книгу о стратегической обороне, суть которой видел в том же: обороняющим-ся войскам наиболее целесообразно постепенно уступать свою территорию, заставляя наступающих нести большой урон, в первую очередь, из-за растя-нутости фронта и коммуникаций, трудностей снабжения, постоянной подвер-женности фланговым ударам и т. д., словом, из-за всего того, что генерал-фельдмаршалу Леебу, командовавшему на советско-германском фронте группой армий “Север”, пришлось впоследствии испытать самому вместе со своей войсковой группировкой.

Оценивая действия Сталина в последние дни перед началом войны, надо ещё и то иметь в виду, что его обязанности и цели руководителя страны бы-ли несопоставимы с обязанностями наркома обороны и начальника Генераль-ного штаба. Их главная на тот момент задача заключалась в том, чтобы Крас-ная Армия, особенно её приграничные соединения, находилась в состоянии боевой готовности и была способна отражать нападение врага всеми имею-щимися средствами. Сталину же, помимо военных и экономических забот, требовалось обеспечить стране ещё и политический перевес, ведь исход бу-дущей войны зависел не только от умения достойно встретить врага на грани-

це и вести затем оборонительные сражения, но ещё и от того, кого мир называет агрессором и кому станет помогать как его жертве.

Тот, кто упрекает сегодня Сталина в “беспечности”, “нерешительности” и необоснованной “боязни провокаций”, или упускает из виду, или, возможно, просто-напросто не понимает, насколько ситуация последних предвоенных лет складывалась сложной для СССР. 14 декабря 1939 года страну исключили из Лиги наций – за войну против Финляндии. Сталину ставили также в вину “широкую территориальную экспансию” – присоединение Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, а заодно и договоры о ненападении с Германией и Японией. При этом советский руководитель, как отмечает исследователь Арсен Мартиросян, “со всё возрастающей тревогой отслеживал с помощью разведки суть негласных контактов и зондажных переговоров гитлеровского руководства, особенно Р. Гесса, а также его эмиссаров с прогермански настроенными влиятельнейшими силами Великобритании”<sup>11</sup>, где обсуждался тезис о создании некоей “федерации против советской Евразии”. Высокопоставленные круги, одобрительно воспринимавшие этот тезис, имелись и в США. Так что всемирная коалиция против СССР была тогда не так уж невероятна.

Тем более она стала бы возможной, если бы СССР обвинили в агрессии. По действовавшим тогда международным правилам, установленным Гаагской конвенцией 1907 года, военные действия следовало начинать с “предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое может иметь форму либо мотивированного объявления войны, либо ультиматума с условным объявлением войны”. По сути, эта норма продолжает действовать и сегодня, правда, с добавлением, принятым Генеральной ассамблеей ООН в 1974 году: “Объявление войны, которая не является актом самообороны, представляет собой акт агрессии и становится международным преступлением”. Но ведь вся хитрость заключается в толковании: как тогда, так и сейчас, кому угодно можно напасть на кого угодно и при этом не считаться агрессором, если умело всё обставить. Тем более несложно было в 1941 году представить гитлеровское вторжение как вынужденный акт самообороны. Ведь тот факт, что Германия сконцентрировала войска на границе с Советским Союзом, для дипломатов, по сути, не имел бы значения, особенно если учесть, что Гитлер ещё в мае написал Сталину: эти дивизии предназначены вовсе не для действий против СССР, а всего лишь для переформирования и переброски на Запад, где формально продолжалась война с Великобританией. Поэтому вполне хватило бы нескольких дурацких выстрелов, чтобы фюрер мог, опираясь на международные правила, двинуть всю свою армаду против нас, как против агрессора. Да, собственно, и выстрелы были не обязательны, хватило бы “предварительного и недвусмысленного предупреждения в форме мотивированного объявления войны” с высокой вероятностью полной поддержки Гитлера Великобританией и США.

Уже утром 21 июня 1941 года руководство СССР знало: война начнётся в ближайшие сутки-двое. Вот лишь одно из известных разведдонесений: ценнейший агент Главного разведывательного управления, сотрудник германского посольства в Москве Герхард Кёгель (псевдоним ХВЦ) рано утром вызвал на срочную встречу своего куратора полковника К. Б. Леонтьева, которому сообщил, что война с Советским Союзом начнётся в ближайшие 48 часов, поскольку посол фон Шуленбург получил срочную телеграмму из Берлина. Полковник попросил разведчика тщательно всё проверить и встретиться в этот же день в 19 часов. Сведения ХВЦ были срочно переданы Сталину, Молотову, Тимошенко и Жукову<sup>12</sup>. К тому времени поступили и другие данные о приближающейся агрессии: так, утром 21 июня прорвавшийся на нашу территорию агент разведки Белорусского пограничного округа сообщил, что война начнётся на рассвете 22-го<sup>13</sup>. Сталин приказал руководителям советских вооружённых сил – наркому обороны маршалу С. К. Тимошенко и начальнику Генштаба генералу армии Г. К. Жукову отправить в приграничные округа директиву о немедленном приведении войск в полную боевую готовность. А в 19 часов разведчик ХВЦ сообщил, что “посол Шуленбург получил из Берлина указание уничтожить все секретные документы и приказал всем сотрудникам посольства до утра 22 июня упаковать свои вещи и сдать их в посольство, живущим вне посольства переехать на территорию миссии”<sup>14</sup>.

Отдав приказ о полной боевой готовности, Сталин приступил к решению не менее важной политической задачи: показать всему миру, кто в начинаю-

щейся войне является агрессором, а кто его жертвой. Наркому иностранных дел В. М. Молотову он поручил вызвать в 21 час 30 мин. посла Шуленбурга в Кремль и потребовать объяснений о германской позиции, в частности, об отсутствии какой-либо реакции Берлина на сообщение ТАСС – разведывательно-дипломатический документ, врученный немецкому послу 13 июня и опубликованный на следующий день в советских газетах. В нём опровергались слухи о якобы предъявленных Германией Советскому Союзу территориальных претензиях. А. М. Василевский, в то время руководивший Оперативным управлением Генштаба, ставший в июне 1942 года его начальником, писал впоследствии, что “целью сообщения ТАСС была проверка истинных намерений гитлеровцев”. Дело в том, что Хрущёв обвинял Сталина ещё и в том, что-де сообщение ТАСС усыпило бдительность советских людей, в том числе военных, которые будто бы “успокоились”, но, по словам Василевского, “все работники нашего Оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились на своих служебных местах”<sup>15</sup>.

Вызванный в Кремль за шесть часов до начала войны посол Шуленбург заявил Молотову, что не располагает информацией о реакции руководства Германии на сообщение ТАСС, не зная, что в Кремле есть достоверные сведения о начале войны. По приказу Сталина такой же разведывательно-политический зондаж провёл советский посол в Берлине В. Деканозов, потребовавший срочной аудиенции у Риббентропа для вручения ноты о продолжающихся нарушениях немецкими самолётами границы СССР, но добившийся лишь встречи со статс-секретарём МИДа Вейцеккером. Однако когда полпред попытался начать разговор о сути дела, его собеседник заявил, что-де не стоит углубляться ни в какие подробности, поскольку на все вопросы ответ будет дан позже. По сути, эти дипломатические свидания, московское и берлинское, ещё раз подтвердили информацию о скором начале войны и о том, что Гитлер намерен сделать вид, будто им соблюдены все нормы международного права.

Оставалось ни в коем случае не дать ему такой возможности. Сталин приказал Молотову: когда Шуленбург ночью потребует встречи с ним как с наркомом иностранных дел, найти способ не принимать его до особого распоряжения. Немецкий посол действительно позвонил в третьем часу, но в наркомате ему сказали, что Молотов на даче. Раз нарком отдыхает вне Москвы, какая уж тут советская агрессия!.. Шуленбург позвонил на дачу, опять потребовав срочного разговора с Молотовым, и вскоре его соединили с Кремлём, но так, будто наркома ходили будить. Посол потребовал срочной встречи для вручения “важного документа государственного значения”. Расчёт Гитлера был таков: в 3 часа ночи Шуленбург вручит ноту об объявлении войны, а в 3 часа 30 мин. немцы начнут бомбардировки и артиллерийский обстрел советской территории – получится так, что и войну объявили по всем правилам, и не оставили противнику времени для демаршей. Но Молотов сумел оттянуть приём Шуленбурга до 5 часов 30 мин. утра, когда пограничники уже доложили о начале вторжения. У Гитлера, таким образом, почти не оставалось шансов доказать, что он поступил в соответствии с нормами международного права: сперва-де объявил войну, а потом начал наступление.

Кстати, и то, что всему народу объявили о гитлеровской агрессии не утром, а лишь в 12 часов дня, было продиктовано теми же соображениями, как и неоднократное упоминание о внезапности и вероломности, – не столько для своих граждан, сколько для западных политических деятелей. И если бы, например, сказать об этом в 6 часов утра, когда начиналось вещание московского радио, тут же пришлось бы объявить всеобщую мобилизацию, а слишком малый разрыв во времени между вражеским нападением и объявлением мобилизации хоть и с небольшой вероятностью, но всё-таки мог дать Гитлеру последний шанс истолковать события в свою пользу. По радио, как известно, выступал Молотов, ведь Сталину следовало бы сразу же говорить и о новых задачах для страны, но пока не было ясно, как развернутся события и в своей стране, и в мире.

Зато как действовать армии, сомнений быть не могло: войну ждали, имелся план обороны с тремя рубежами – фронтовым, стратегическим и государственным. А исполнение плана – профессиональная и служебная обязанность Наркомата обороны и Генерального штаба. Но тут-то и произошло нечто малопонятное и до сих пор не объяснённое. Г. К. Жуков пишет в мему-

арах, что вечером 21 июня Сталин поручил им с Тимошенко дать короткую директиву, что-де “нападение может начаться с провокационных действий немецких частей” и что войска “не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений”. В мемуарах особо подчёркивается именно эта подробность, хотя смысл директивы был всё-таки в том, что-де следует немедленно вывести войска на оборонительные позиции. А дальше маршал пишет совсем уж не по-военному: получив указание Сталина, он и его первый заместитель генерал Н. Ф. Ватутин “прошли в другую комнату и быстро составили текст”, что следует в течение ночи скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе, перед рассветом рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, замаскировав её, воинские части привести в боевую готовность, как и противоздушную оборону... “Быстро” – термин не генерала армии, следовало бы точно назвать, в котором часу получили указание Сталина, сколько времени писали короткий документ и, главное, в котором часу начали его передавать. Но мемуарист сообщает лишь, что директиву, подписанную С. К. Тимошенко и Г. К. Жуковым, направили в приграничные округа и что передача была закончена в 0 час. 30 мин<sup>16</sup>.

А ведь это воспоминания человека, в течение пяти предвоенных месяцев возглавлявшего Генеральный штаб. О том, что война может начаться со дня на день, в армейских кругах говорилось, не могло не говориться как минимум несколько недель. Какие отдать распоряжения в случае опасности, начальнику Генштаба должно было быть совершенно ясно, так что для написания директивы требовались минуты. В таком случае очень уж никудышной была у Генерального штаба связь с войсками приграничных округов, соприкасавшихся с наиболее вероятным противником! Получить приказ в 8 часов вечера – именно это время назвал в беседе с Феликсом Чуевым главный маршал авиации А. Е. Голованов, командовавший авиацией дальнего действия и подчинявшийся непосредственно Сталину, а закончить передачу директивы в половине первого ночи простительно разве что колхозной конторе, но никак не руководящему органу вооружённых сил. За четыре с половиной часа можно было успеть на самолёте туда-сюда обернуться.

На многих страницах мемуаров Г. К. Жуков по-военному точен в деталях, но в этом месте ещё и умалчивает, по какому виду связи они передавали важнейший документ – по телефону, телеграфу, радио? Моя армейская должность – старший радиотелеграфист роты связи 40-го мотострелкового Берлинского полка. Более полутора лет мне выпало дежурить в боевых радиосетях, кстати сказать, на той же радиостанции РАФ, что в 1941 году считалась в армии самой лучшей (и почти через 20 лет мы ещё “донашивали” эту вполне пригодную технику). За годы службы пришлось принять и передать множество различных шифрованных текстов – открытые были строго запрещены, и могу свидетельствовать, что радист средней квалификации при средней слышимости отстучит на ключе радиограмму объёмом в директиву Тимошенко-Жукова (после шифровки она станет намного короче) максимум за пять-шесть минут. Ну, допустим, из-за помех в эфире часть текста пришлось бы повторить – всё равно получится от силы 10–12 минут. По телефону и телеграфу вряд ли дольше.

Так что же произошло в Генштабе вечером 21 июня 1941 года: связь оказалась плохой или её совсем не было? Но раз ждали войну, значит, в течение предыдущих недель все каналы должны были многократно проверяться и перепроверяться. Да если бы и не ждали, тоже обязаны проверять. На заседании Политбюро в конце мая 1941 года, где обсуждались вопросы, связанные с подготовкой страны к обороне, Жуков заявил: “Необходимы срочные меры, чтобы, пока ещё не поздно, привести телефонно-телеграфную сеть, радио и радиотрансляционную сеть в надлежащий порядок. Без хорошо налаженной связи вооружённые силы успешно воевать не смогут”<sup>17</sup>. Сказано совершенно верно, поэтому резонно бы спросить начальника Генерального штаба: надо полагать, вы не Сталину ставили задачу, а себе и своим подчинённым, так хорошо бы сообщить, что сумели сделать и кто за это отвечал? Уж о связи-то с приграничными округами руководство Генштаба должно первым делом позаботиться. Однако маршал ничего об этом не написал.

Добавлю, что с древности хорошо известна практика коротких сигналов-паролей. Именно таким способом нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в ночь на 22 июня привёл флоты в полную боевую готовность. Использование коротких сигналов требует предварительной подготовки, организованности и точности.

Назначенный наркомом в 1939 году, Николай Герасимович, по его словам, пришёл к пониманию необходимости “разработать такую систему оперативной готовности флотов, чтобы в случае необходимости по одному условному сигналу... немедленно развёртываться... 19 июня 1941 года, когда на границах было уже очень напряжённо, моим приказом все флоты были переведены на повышенную оперативную готовность № 2... 21 июня я был приглашён к наркому обороны маршалу С. К. Тимошенко, который мне объявил о том, что в ближайшую ночь не исключено нападение немцев на Советский Союз. Бывший со мной адмирал В. А. Алафузов, исполнявший обязанности начальника Главного морского штаба, был немедленно послан в штаб, чтобы дать тот самый условный сигнал”<sup>18</sup>. Будущему Адмиралу Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецову никто этого не приказывал, но ведь на то он и был наркомом! Ещё оцените краткость и точность описания: это стиль военачальника, понимавшего свой долг и безукоризненно выполнившего его: Балтийский, Черноморский и Северный флоты встретили авиацию врага огнём батарей и не потеряли ни одного корабля, ни одной базы, ни одного самолёта морской авиации.

На передачу сигналов по радио, телефону, телеграфу уходят считанные секунды. И ведь был подготовлен в 1941 году общегосударственный пароль-сигнал “Гроза”, по которому в случае прямой угрозы войны должны были вводиться в действие “красные пакеты”, содержащие, в частности, планы прикрытия и обороны государственной границы. Что в них содержалось на самом деле, речь пойдёт ниже, в рассказе маршала К. К. Рокоссовского... Сигнал “Гроза” в ночь на 22 июня 1941 года передал военный атташе при посольстве СССР в Берлине генерал В. И. Тупиков, он же “Арнольд”, резидент военной разведки. Это была его последняя радиограмма из фашистской столицы<sup>19</sup>.

Принять сигнал опасности и мгновенно отреагировать на неё — смысл службы военных людей. Меня этому учили в армии с первого дня. Однажды на дежурстве я тоже принял радиосигнал, что-то вроде “Гром-20”, тут же по телефону сообщил о нём в штаб, а ещё через минуту в полку сыграли боевую тревогу: всё было отработано до автоматизма. Сослуживец-телефонист, дежуривший на коммутаторе, рассказал потом, что такой же сигнал был принят и по его линии... Мне, разумеется, не известно, откуда начал прохождение этот условный знак — из штаба дивизии, армии, группы или даже из Генштаба, но это и не могло иметь значения. Главное, что через 30 минут наш полк уже двигался в машинах колоннами побатальонно и мог занять любую указанную позицию — это ведь обычное дело для нормальной армии. Кстати сказать, каждому из нас, связистов, было хорошо известно: задержка на несколько минут радиосигнала или радиограммы серии “воздух”, то есть сверхсрочных сообщений, могла обернуться трибуналом для виновников.

Войны в 1960 году мы отнюдь не ждали, но служил-то я в ГСВГ — Группе советских войск в Германии, в нескольких десятках километров от нас стояли дивизии НАТО, а люди в военной форме для того и располагаются на передовых рубежах, чтобы быть всегда готовыми быстро и адекватно ответить на любые агрессивные действия. Что и пришлось сделать в 1961 году в ходе событий, известных теперь под названием “Берлинская стена”. В сложной комбинации тревожных мировых происшествий, начавшихся в апреле высадкой на Кубе противников власти Фиделя Кастро, перегораживание западной и восточной частей Берлина оказалось лишь эпизодом, да и устанавливали эту стену не советские солдаты, а сами восточные немцы. Пик противостояния пришёлся на конец октября, когда у Бранденбургских ворот в течение почти 20 часов лишь десятки метров разделяли советские и американские танки, опустившие стволы пушек на прямую наводку, причём экипажи держали пальцы на электроспуске, готовые ответить ударом на удар. Слава Богу, хватило выдержки — и танкистам, и, главное, руководителям государств... Об этих подробностях знаю из выступления тогдашнего командующего объединёнными вооружёнными силами стран — участников Варшавского договора Маршала Советского Союза И. С. Конева на комсомольской конференции ГСВГ, где я был делегатом от 3-й армии.

С директивой Тимошенко—Жукова получилось, мягко сказать, полнейшее безобразие: пока её передали в штабы округов, пока расшифровали, прочитали и направили собственные распоряжения в штабы армий, а оттуда отдали приказы корпусам и дивизиям, немцы успели начать войну, потому-то артиллерийские удары и застали будущих героев Брестской крепости и других



способных сражаться бойцов не на боевых позициях, а в постелях. К. К. Рокоссовский, командовавший тогда моторизованным корпусом в Киевском Особом военном округе, писал в воспоминаниях: “Около четырех часов утра 22 июня (вот аж когда! – **В. Д.**) дежурным по штабу мне была вручена телефонограмма из штаба 5-й армии с распоряжением о вскрытии особо секретного оперативного пакета, хранившегося в штабе корпуса. В пакете имелась директива, в которой указывалось о немедленном приведении корпуса в боевую готовность и выступлении в направлении Ровно, Луцк и далее”<sup>20</sup>.

Кто организованно встретил немцев 22 июня 1941 года, так это пограничники, для которых боевая готовность является привычным состоянием – и застав, и людских душ. Вместо считанных минут, отведённых гитлеровским планом на уничтожение часовых советской границы, фашисты в иных местах не могли сломить их сопротивление по нескольку дней: даже будучи окружёнными, бойцы продолжали драться. Боевая готовность в пограничных и внутренних войсках на Украине, в Белоруссии и Прибалтике объявлена в 21 час 30 минут 21 июня!<sup>21</sup> А в армии – когда война уже началась... Восстанавливая историческую справедливость, напомним, что пограничные войска подчинялись в то время НКВД, наркомом был Л. П. Берия, а его заместителем, непосредственно командовавшим этими войсками, – И. И. Масленников, ставший затем генералом армии и Героем Советского Союза и преданный после смерти Сталина Хрущёвым и его окружением\*.

Исходя из своего солдатского опыта, я целиком и полностью согласен с Главным маршалом авиации А. Е. Головановым, сказавшим, как отрубившим, по поводу подобной “оперативности” руководства Наркомата обороны и Генерального штаба: “Решение о боевой готовности приказали отдать в 8 часов вечера, а они только в час ночи передали, а в 4 часа немцы напали. С восьми до часу ночи! Это, знаешь что, за одно место нужно повесить за такие вещи!”<sup>23</sup> Тем более что теперь выяснилось: “такие вещи” оказались и ещё хуже. Маршал Голованов мог не знать об утреннем приказе Сталина о приведении войск в полную боевую готовность, что, например, в деталях показано в исследовании А. Б. Мартиросяна. А вечером вождь лишь продублировал утреннее распоряжение. Но даже если и не было бы утреннего приказа, в той исключительно тревожной, предгрозовой ситуации сами-то Наркомат обороны и Генштаб обязаны были быть в полной боевой готовности!.. Теперь известны многие подробности поведения их руководителей, и потому нет оснований верить, что вечером 21 июня всё происходило именно так, как описывает маршал Жуков: в этой части мемуаров он слишком явно поддакивает Хрущёву и его политическим наследникам, обвинявшим Сталина в “беспечности”. Невооружённым глазом видно желание мемуариста переложить на вождя собственную вину за катастрофу первых военных дней – нераспорядительность начальника Генштаба.

Дело ещё и в том, что и в предвоенные недели, и после начала боёв события развивались не в соответствии с намеченным планом. К. К. Рокоссовский писал в мемуарах “Солдатский долг”: “Даже тогда, когда немцы приступили к сосредоточению своих войск вблизи нашей границы, перебрасывая их с запада, о чём не могли не знать Генеральный штаб и командование КОВО (Киевского Особого военного округа. – **В. Д.**), никаких изменений у нас не произошло. Атмосфера непонятной успокоенности продолжала господствовать в войсках округа... Стало известно о том, что штаб КОВО начал передислокацию из Киева в Тернополь. Чем это было вызвано, никто нас не информировал. Вообще, должен ещё раз повторить, царило какое-то затишье и никакой информации не поступало. Если какой-то план и имелся, то он явно не соответствовал сложившейся к началу войны обстановке, что и повлекло за собой тяжёлое поражение наших войск в начальный период войны”<sup>24</sup>. А маршал А. М. Василевский признавал: “Были у нас и просчёты в определении

---

\* В Великую Отечественную войну Иван Иванович Масленников командовал армиями, затем группой войск на Северном Кавказе, позже – 3-м Прибалтийским фронтом, а после войны – внутренними войсками. Когда Хрущёв и его приближённые “раскрыли” летом 1953 г. придуманный “заговор Берии”, Масленникова допрашивали в прокуратуре о якобы имевшихся планах ввести в Москву войска МВД и арестовать правительство, а затем беспощадно травили как “бериевца”. Защищая свою честь, боевой генерал застрелился в собственном кабинете<sup>22</sup>. – **В. Д.**

главного удара агрессора. В нашем оперативном плане считалось, что его немецко-фашистские войска нанесут на юго-западном направлении. Исходя из этого, здесь мы сконцентрировали основные силы, но гитлеровская Германия сосредоточила максимум сил и средств на центральном направлении с целью захвата Москвы<sup>25</sup>.

Юго-западное направление — это Киевский Особый военный округ. И если “здесь мы сосредоточили основные силы”, значит, именно тут были готовы принять удар? Послушаем К. К. Рокоссовского, сначала о том, как пришлось вскрывать секретный оперативный пакет: “Сделать это мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или Народного комиссара обороны. А в телефонограмме стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штаба армии. — **В. Д.**). Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника особого отдела, чтобы посоветоваться, как поступить в данном случае. Вскоре дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк (воздушные линии связи разрушали немецкие бомбардировщики небольшими бомбами-зацепками и диверсанты. — **В. Д.**). Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет<sup>26</sup>. Чем объяснить, что нарком обороны и начальник Генерального штаба не удосужились своевременно внести изменения в порядок вскрытия секретных пакетов? Кто кроме них должен был это сделать?

“Директива, — продолжает Рокоссовский, — указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. В четыре часа приказал объявить боевую тревогу, командирам дивизий Н. А. Новикову, Н. В. Калинин и В. М. Черняеву прибыть на мой КП. Пока войска стягивались на исходное положение, комдивам были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления. Штаб корпуса готовил общий приказ. Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал своё место и точно выполнял своё дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалёку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Сопrotивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день”... Вам понятно? Директива о боевой готовности, хоть и с большим опозданием, всё же была отправлена в округ, откуда её “спустили” в штабы армий и дивизий. Зато службы обеспечения никаких указаний так и не получили: уже война началась, а интенданты вынуждены сражаться за целостность складов, за которые отвечают головой!..

“С командованием округа, которому мы непосредственно подчинялись, связаться никак не могли. От него за весь день 22 июня — никаких распоряжений”. И ведь штаб округа располагался не в приграничных землянках. Если уж перебрались перед началом войны из Киева в Тернополь, ближе к войскам, которым вот-вот бой принимать, так обеспечьте связь, стратеги великие! Неужели военные люди, генералы уповали на гражданские линии — на столбы с проводами вдоль дорог?..

“В воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации, — продолжает рисовать тягостную картину Рокоссовский. — Немецкие самолеты появлялись довольно часто, это были преимущественно бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте, почему-то без сопровождения истребителей. Мы вскоре узнали, в чём дело, увидев наши разбитые и сожжённые самолеты, так непредусмотрительно сосредоточенные на аэродромах приграничной полосы”. Добавим: такое творилось по всему фронту, на тысячах километров. В первый же день войны потери нашей авиации составили 1811 самолётов, причём 1429 из них были сожжены на земле: авиаторы, не получив приказа, не рассредоточили машины на полевых аэродромах. Сами немцы потеряли 22 июня лишь 35 сбитых машин, ещё около 100 оказались повреждёнными<sup>27</sup>.

Следующие отрывки из воспоминаний К. К. Рокоссовского не менее остры и выразительны: “Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых

действий они не выдержат. Не говорю уже о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенных по штату. Пехота обеих танковых дивизий машин не имела, а поскольку она значилась моторизованной, не было у неё ни повозок, ни коней. . . Основная масса войск корпуса, по существу, пехота, лишённая конского тягла, совершила в первый день 50-километровый переход. . . вынуждена была нести на себе, помимо личного снаряжения, ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые миномёты и боеприпасы к ним. . .

Что же произошло, что мы потерпели такое тяжелое поражение в начальный период войны? Конечно, можно было предположить, что противник, упредивший нас в сосредоточении и развертывании у границ своих главных сил, потеснит на какое-то расстояние наши войска прикрытия. Но где-то, в глубине, по реальным расчётам Генерального штаба, должны успеть развернуться наши главные силы. Им надлежало организованно встретить врага и нанести ему контрудар. Почему же этого не произошло?.. Какой же план разработал и представил правительству наш Генеральный штаб? Да и имелся ли он вообще?..

Ну, допустим, Генеральный штаб не успел составить реальный план на начальный период войны в случае нападения фашистской Германии. Чем же тогда объяснить такую преступную беспечность, допущенную командованием округа? Из тех наблюдений, которые я вынес за период службы в КОВО и которые подтвердились в первые дни войны, уже тогда пришёл к выводу, что ничего не было сделано местным командованием в пределах его прав и возможностей, чтобы достойно встретить врага. . . Войска этого округа с первого же дня войны оказались совершенно не подготовленными к встрече врага. Их дислокация у границы не соответствовала угрозе возможного нападения. Многие соединения не имели положенного комплекта боеприпасов и артиллерии, последнюю вывезли на полигоны, расположенные у самой границы, да там и оставили. . .

Совершенно иначе протекали бы события, если бы командование округа оказалось на высоте положения и предпринимало своевременно соответствующие меры в пределах своих полномочий, проявляя к этому ещё и собственную инициативу, а также смелость взять на себя ответственность за проведение мероприятий, диктуемых создавшейся у границы обстановкой. А этого сделано не было. Все ожидали указаний свыше.

Могу о том судить хотя бы по содержанию оперативного пакета, который был мною вскрыт в первый день войны. Содержание его подгонялось под механизированный корпус, закончивший период формирования и обеспеченный всем, что положено иметь ему как боевому соединению. А поскольку он находился только в первой, то есть начальной, стадии формирования, то как Генеральным штабом, так и командованием округа должно было быть предусмотрено и его соответствующее место на случай войны. Но в таком состоянии оказался не только 9 МК, но и 19-й, 22-й, да и другие, кроме 4-го и 8-го, которые начали формирование значительно раньше и были более-менее способны вступить в бой. Они к тому же имели в своем составе и новые танки Т-34 и КВ.

Но о чём думали те, кто составлял подобные директивы, вкладывая их в оперативные пакеты и сохраняя за семью замками? Ведь их распоряжения были явно нереальными. Зная об этом, они всё же их отдавали, преследуя, уверен, цель оправдать себя в будущем, ссылаясь на то, что приказ для “решительных” действий таким-то войскам (соединениям) ими был отдан. Их не беспокоило, что такой приказ – посылка мехкорпусов на истребление. Погибали в неравном бою хорошие танкистские кадры, самоотверженно исполняя в боях роль пехоты.

Даже тогда, когда совершенно ясно были установлены направления главных ударов, наносимых германскими войсками, а также их группировка и силы, командование округа оказалось неспособным взять на себя ответственность и принять кардинальное решение для спасения положения, сохранить от полного разгрома большую часть войск, оттянув их в старый укрепленный район.

Уж если этого не сделал своевременно Генеральный штаб, то командование округа обязано было это сделать, находясь непосредственно там, где развертывались эти трагические события”<sup>28</sup>.

Маршал Рокоссовский так детально всё изложил, что нечего и добавив. Если описанное им именуется “сосредоточили основные силы на юго-западном направлении”, что тогда называть безответственностью?.. И вот странность: при публикации воспоминаний Константина Константиновича, напи-

санных на несколько лет раньше, чем мемуары Жукова, именно эти соображения прославленного полководца были изъяты из текста Главным политуправлением Советской Армии, разумеется, с ведома и согласия работников ЦК КПСС и, что самое поразительное, после консультации... с Г. К. Жуковым. Штатные цензоры и выступивший в этой роли маршал не допускали и намёка на какую-либо иную трактовку поражений в первые месяцы войны, кроме той, что придумали Хрущёв и его свита. Изъятые части текста увидели свет лишь совсем недавно. Можно поэтому предположить, что если бы мемуары Рокоссовского были сразу же опубликованы без купюр, многие страницы воспоминаний Жукова не могли бы выйти из-под его пера.

Конечно, своевременное приведение войск в боевую готовность не изменило бы коренным образом общего характера начального этапа войны. Но не было бы и такой бестолковщины, когда Генштаб и его начальник сутками не знали, где воюют войска и воюют ли вообще, особенно на Западном фронте. Более того, маршал Рокоссовский 40 лет назад пытался обратить внимание военных историков и на тот странный факт, что дислокация наших войск у границы вообще не соответствовала угрозе возможного нападения. Это отнеслось не только к Киевскому округу, но в не меньшей, если не в большей, мере – к Западному.

Выяснению этого несоответствия исследователь А. Б. Мартиросян, сам в прошлом военный, посвятил книгу “Трагедия 22 июня: блицкриг или измена?” и, в частности, пришёл к выводу, что Наркомат обороны и Генеральный штаб готовились вовсе не к стратегической обороне, цель которой – измотать фашистские войска для постепенного выравнивания сил и последующего разгрома агрессора. Автор полагает, что “произошла негласная и незаконная подмена смысла и духа официально утвержденного правительством СССР плана отражения агрессии, в том числе и принципа обороны. Вместо чётко указанного в официальном плане принципа активной обороны, предусматривавшего при необходимости организованный отход войск в глубь своей территории с арьергардными боями, у нас появилась жёсткая (упорная) оборона прямо на линии государственной границы. Вместо сдерживания и отражения первого удара, под прикрытием чего основные силы должны были быть отмобилизованы и сосредоточены, ... с подачи дуэта Жукова–Тимошенко войска всех приграничных округов на западных границах были жёстко переориентированы на отражение агрессии... методом немедленного встречно-лобового контрблицкрига. Отражение... стали планировать, выражаясь языком военных, методом осуществления стратегических фронтовых наступательных операций”<sup>29</sup>. Ставилась задача “при благоприятных условиях быть готовыми, по указанию главного командования, нанести стремительные удары для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей”<sup>30</sup>. Можно, видимо, предположить, что последующие действия наших войск были бы нацелены на взятие Берлина уже в 1941 году? Не план, а сказка – совсем уж по Тухачевскому, не терпевшему “оборонцев”...

Не эти ли генеральские фантазии способствовали тому, что немцы на шестой день войны заняли Минск и, казалось, смогут осуществить задуманный блицкриг? К середине июля 28 советских дивизий оказались в окружении и не вышли из него, ещё 70 понесли тяжёлые потери. Но после срочно принятых мер всё-таки началось первоначально предусмотренное сдерживание гитлеровских войск, и как раз на стратегическом рубеже обороны или близ этой линии, как отмечает О. А. Ржешевский, “более 200 дивизий оказывали ожесточенное сопротивление, наносили контрудары противнику. Общими усилиями фронтов важнейшая цель плана “Барбаросса” – в первые же дни войны “воспрепятствовать своевременному отходу боеспособных сил противника (т. е. советских войск. – **В. Д.**) и уничтожить их западнее линии Днепр – Двина”<sup>31</sup> была сорвана. К концу августа блицкриг окончательно провалился, что и отметил своим предсказанием Гитлеру генерал-фельдмаршал фон Бок. Правда, на Западном фронте нашим войскам пришлось откатиться до государственного рубежа обороны и даже чуть дальше на восток, то есть не к дальнему подступам, а к самой Москве, а на Юго-Западном в 1942-м – к Волге и Кавказу, что вовсе не предполагалось планом стратегической обороны. И только после этого произошло выравнивание сил, а затем наращивание нашего превосходства.

Давно пора перестать валить вину за трагические события 1941 года на одного Сталина. Во-первых, в любом государстве каждый должен персонально

отвечать за вверенное ему дело, особенно если оно – военное, а знаки отличия у ответственных – маршальские и четырёхзвёздные генеральские. А во-вторых, повторюсь, никогда ещё в истории ни одна страна и ни одна армия не были полностью готовыми к войне, тем более к такой, каких до этого не бывало. Но Сталин сделал главное: под его руководством была создана мощная военно-экономическая база для будущей победы и верно определён общий план войны: стратегическая оборона для изматывания противника и его последующего разгрома.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. О культе личности и его последствиях. Доклад Н. С. Хрущёва XX съезду КПСС. <http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt>.
2. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х тт. Издательство АПН. М., 1983, т. 1, с. 297–299.
3. Мартиросян Арсен. Трагедия 22 июня: блицкриг или измена? Правда Сталина. М., Яуза, Эксмо, 2006, с. 62.
4. Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. М., Дельта НБ, 2004, с. 552–553.
5. Карпов Владимир. Генералиссимус. М., Вече, 2002, кн. 1, с. 324.
6. Сталин И. В. Соч., т. 15, с. 20.
7. Судоплатов Павел. Разведка и Кремль. М., Гя, 1996, с. 136.
8. Сабов Александр. Спираль войны. Беседа с профессором О. А. Ржешевским // Российская газета, 22 июня 2006 г.; см. также: [www.rg.ru/2006/06/22/history-vov.html](http://www.rg.ru/2006/06/22/history-vov.html).
9. Чуев Феликс. Молотов. Полудержавный властелин. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2000, с. 40.
10. Чуйкевич П. А. Патриотические мысли // Источник. Документы русской истории. 1995, № 3, с. 28–34.
11. Мартиросян Арсен. Трагедия 22 июня, с. 112–113.
12. Подробнее об этом см.: Мартиросян Арсен. Трагедия 22 июня, с. 16–17.
13. Попов А. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002, с. 121–122.
14. Лота Владимир. Секретный фронт Генерального штаба. Разведка: открытые материалы. М., Молодая гвардия, 2005, с. 59.
15. Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1978, с. 106; см. также: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vasilevsky/index.html>.
16. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 300–301.
17. Вахания Владимир. Личная секретная служба И. В. Сталина. Сборник документов. М., Сварог, 2004, с. 170.
18. Куманёв Георгий. Беседа с Н. Г. Кузнецовым // В кн. Рядом со Сталиным. Смоленск, Русич, 2001, с. 335.
19. Лота Владимир. Секретный фронт Генерального штаба, 2001, с. 70.
20. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. Завтра – война. <http://militera.lib.ru/memo/russian/rokossovsky/01.html>.
21. Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2005, с. 211.
22. Пожаров А. И. Руководители советских спецслужб как объект мифотворчества в истории органов безопасности Советского Союза. [www.fsb.ru/history/autors/pojarov2-1.html](http://www.fsb.ru/history/autors/pojarov2-1.html).
23. Чуев Феликс. Неспящий маршал. М., Современный писатель, 1995, с. 22.
24. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. Завтра – война <http://militera.lib.ru/memo/russian/rokossovsky/01.html>.
25. Куманёв Георгий. Из беседы с А. М. Василевским // В кн. Рядом со Сталиным, с. 269.
26. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. Бои начались. <http://militera.lib.ru/memo/russian/rokossovsky/02.html>.
27. Емельянов Юрий. Трагедия Сталина. 1941–1942. М., Яуза, ЭКСМО, 2006, с. 147.
28. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. Восстановленная часть главы “Бои начались”. <http://militera.lib.ru/memo/russian/rokossovsky/02.html>.
29. В поражении Сталина виноват не блицкриг. Беседа с А. Б. Мартиросяном. <http://www.pravda.ru/culture/literature/rusliterature/67341-0>.
30. Мартиросян Арсен. Трагедия 22 июня, с. 502–503.
31. Сабов Александр. Спираль войны. Беседа с профессором О. А. Ржешевским // Российская газета, 22 июня 2006 г.